

Двойной портрет

Автор:

Наталья Никольская

Двойной портрет

Наталья Никольская

Близнецы

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ

ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ПОЛИНА)

Боже мой, сколько раз я говорила своей непутевой сестре, что алкоголизм – страшное социальное зло! Не верит... Что ж, пускай теперь сама в этом убедится. Пусть проспит такой замечательный, солнечный день дома, если не слушает мудрых советов. А ведь могла бы...

Сегодня Ольга могла бы поехать вместе со мной к одной нашей общей знакомой. Эта сорокалетняя женщина занималась шейпингом в спорткомплексе под моим руководством. Работала Людмила главным бухгалтером в какой-то крупной фирме, доход имела очень даже неплохой – во всяком случае, им с дочкой на жизнь хватало. За индивидуальные занятия Людмила платила мне более чем щедро, и, ясное дело, мне не хотелось терять такую клиентку.

Как-то мы с Людмилой разговорились, и она поведала мне о своих проблемах психологического характера, которые возникли у нее после смерти мужа. Я свела ее со своей сестрицей-психологом (все-таки Ольга кандидат наук в этой области!), обе остались очень довольны друг другом и с тех пор нередко встречались. Я даже немного ревновала. Хотя мы с Людмилой тоже продолжали поддерживать отношения. Но с Ольгой у них нашлось одно общее качество, сблизившее их очень тесно. Тут я не могла составить конкуренции, не спору.

Дело в том, что Людмила нежно любила... как бы это выразиться... Короче, всякие вкусные алкогольные напитки. Нет, она не пила в грубом смысле этого слова – фу, какая гадость! А просто, как говорит моя Ольга, иногда снимала стресс, восстанавливала эмоциональную ауру. Честно говоря, у них вместе это получалось настолько прелестно, что мне даже иногда хотелось составить компанию. Но... принципы, знаете ли, не позволяют. Просто не пью я, и все. Совсем. Ну, разве что самую капельку по великим праздничкам.

И вот несколько дней назад я встретила Людмилу в городе, она очень обрадовалась и тут же пригласила меня к себе. К сожалению, я спешила и предложила перенести встречу на выходные. Людмила подумала и согласилась, настояв на том, чтобы я взяла еще и Ольгу. Я передала сестре Людмилино приглашение, та жутко обрадовалась, и вот сегодня-то мы вместе и собирались навестить нашу знакомую.

И ведь говорила я Ольге: не пей с утра, вот приедем к Люде – там и оттянешься. Так нет же! Как лепетала мне сестра сегодня, когда я заехала к ней и ахнула, «Поля, я только кап... капельку отпила из бутылочки...» И показывала мне потом ту «бутылочку». Извините, «бутылочка» была по размеру такая, что из нее только отхлебни – потом долго не встанешь.

Короче, посмотрела я на это безобразие и поняла, что Ольге сегодня придется посидеть дома. Вернее, полежать. Именно так я и сказала сестре. Ольга заверещала, как пойманный за уши заяц, и попыталась было воспротивиться. Она кричала, запинаясь на каждом слове, что это есть вопиющая дискриминация и унижение человеческого достоинства, но никак не могла выговорить слово «дискриминация». Я решила сыграть на этом и предложила: выговоришь двадцать раз подряд это слово без запинки – возьму с собой. Сомневаюсь, что Ольга и в нормальном-то состоянии смогла бы произнести это коварное слово двадцать раз подряд (потому что этого не сможет ни один нормальный человек, я проверяла, не сомневайтесь, а уж я-то человек абсолютно нормальный, можете

поверить), короче, сестра захлебнулась уже на второй попытке, я выразительно посмотрела на нее и препроводила зареванную Ольгу спать, напичкав ее успокоительным.

И вот теперь я ехала к Людмиле одна. Вернее, шла, потому что погода была очень хорошая – конец апреля просто радовал, будоражил, возбуждал, поднимал, окрылял, звал куда-то ввысь своим пьянящим ароматом и свежестью – и еще потому что, честно говоря, подозревала, что Людмила наверняка склонит меня выпить хотя бы глоточек. А как потом за руль садиться?

Людмила жила за железнодорожным вокзалом в большой девятиэтажке на шестом этаже. Я уже поднималась по лестнице, выходя из подземного перехода, как вдруг перед моими глазами предстало не очень приятное зрелище: при выходе из перехода здоровый парень лет тридцати, в кожаной куртке нараспашку, пинал ногами и колотил руками худенькую нищенку в старушечьем платке, туго замотанном на голове. Она пыталась закрыться руками от сыплющихся куда попало ударов, но это у нее получалось плохо. Она не кричала, не звала на помощь, только слабо взмахивала руками. В конце концов женщина потеряла последние силы и неловко повалилась на бок. Парень тут же пнул ее в живот. Женщина тихо охнула и прижала руки к животу.

Тут я уже не могла сдерживаться.

– А ну, отошел от нее, козел! – гневно выкрикнула я, бросаясь в их сторону.

Парень повернул ко мне искаженное злобой лицо, чтоб посмотреть, кто это путается в его дела, и, увидев, что это всего лишь какая-то девка, как он решил, раздражился еще больше.

– Уйди лучше, – проговорил он, не разжимая кулаков. – Не зли, убью ведь!

– Это я тебя убью, если что! – пообещала я ему. – И никогда не пожалею об этом! Нашел с кем справиться, она же еле живая, урод!

– Ну сука, сама напросилась! – прошипел парень и двинулся в мою сторону.

Кулаки у него, конечно, были пудовыми. Но не зря же я столько лет карате занималась. А это, скажу вам, искусство целое, а не просто кулаками махать. Это я ему сейчас и продемонстрирую. Он на кулаки надеется? Так ведь и без них обойтись можно. Вот, например.

Парень уже занес руку, чтобы в следующую секунду тяжело двинуть ею мне в челюсть, но мгновением раньше я молниеносно выкинула правую руку вперед и резко провела двумя пальцами ему по глазам, сильно нажав при этом. Вот и рука его сразу опустилась, а он даже не понял, почему произошло сие недоумение. Взвыв, парень взметнул руки к глазам. Я стояла рядом и улыбалась.

- Еще? - любезно спросила этого придурка.

- Ах ты, сука... - медленно, зловещим голосом протянул он и снова двинулся ко мне.

А я и теперь не воспользовалась своими кулаками. Просто резко наступила ему ногой на щиколотку. Он опять взвыл, но этот прием не произвел на него такого впечатления, как первый. Видимо, недостаточно сильно я наступила. Мягкий я все же человек, что ни говори! Ладно, сейчас исправим.

Быстро вцепившись ему в горло, я слегка его сжала и потянула на себя. Главное - ухватить то, что надо. Если тянуть так секунд пятнадцать, то притянешь уже труп. Но мне вполне хватило и семи: через это время парень уже поплыл и тихо опустился на заплыванный пол возле подземного перехода, а в глазах у него явно плясали кровавые мушки...

- В чем дело, девушка? - раздался за спиной казенный голос.

Я обернулась. Так, ППС-ники. Как вы кстати, родимые!

- Да вот, - я приняла немного испуганный вид, - напился дурак какой-то, приставать начал... А сам на ногах еле стоит. Свалился тут.

- Так... - самый высокий из них почесал затылок. - Ну что, ребята, берем его?

Остальные подхватили парня под руки, приподняли на ноги. Тот слабо замычал при этом. Способность трезво соображать и осознавать, где он находится, я думаю, парень обретет нескоро. Поделом тебе, падла!

– А ты давай вали отсюда! – недружелюбно обратился один из ППС-ников к нищенке, которая уже немного пришла в себя и теперь сидела прямо на земле, прислонясь спиной к стене подземного перехода.

Услышав слова ППС-ника, она вздрогнула, проворно вскочила с земли, подхватывая какой-то узелок, и метнулась за переход.

ППС-ники поволокли несопротивляющегося парня с собой.

Я заглянула за здание перехода. Нищенка сидела там и, утирая слезы, пересчитывала деньги. Плечи ее при этом постоянно вздрагивали.

– Вот сволочь, вот сволочь! – бормотала она.

– За что он тебя так? – спросила я, подходя к ней.

Нищенка быстро прикрыла руками грязную кучку денег и подняла на меня глаза. Под правым расплывался синяк, и вся та сторона лица распухла. Левая пострадала меньше, но тем не менее была в ссадинах и царапинах. Невозможно было точно определить, сколько ей лет, но думаю, что лет сорок точно. Похоже, эта женщина – большая любительница выпить. Вот, надо сказать Ольге, что становится с теми, кто время от времени «поправляет свою эмоциональную ауру», как выражается моя сестричка.

– А вам что? – спросила она враждебно.

– Ну, подруга, ты невоспитанна! – пожурила я ее. – Я тебя, можно сказать, от смерти спасла, а ты так невежливо разговариваешь!

– Просто... – она сглотнула слюну. – Просто мне сейчас не хочется ни с кем разговаривать...

– Понимаю, – усмехнулась я. – Ты где живешь-то?

- Да... - она замялась. - Тут, недалеко.

Понятно, в подвале где-нибудь.

- Тебе бы врачу показаться... - добавила я.

- А-а-а! - она махнула рукой. - Нам не впервой.

Женщина снова приоткрыла кучку денег и принялась их пересчитывать. Лицо ее становилось все более расстроенным.

- Что случилось? - не удержалась я от вопроса.

- Деньги... - дрожащим голосом проговорила она. - Почти все деньги отобрал. Мелочь только оставил...

Я присмотрелась к кучке. Там были преимущественно монетки по пять и десять копеек, даже рубля ни одного не было. Да, не густо...

Рука сама полезла в карман олимпийки. Я нащупала там смятый червонец - не бог весть какие деньги, конечно, но я вообще не обязана их давать... Просто жалко мне стало эту нищенку. Ей поди и жрать нечего.

- На! - я протянула ей червонец.

Не веря своим глазам, она вопросительно посмотрела на меня.

- Бери, бери! - усмехнулась я.

- Спасибо, - пролепетала женщина. - Спасибо большое вам!!! - она даже попыталась схватить меня за руку.

- Ох, ладно, не надо! - поморщилась я, выдергивая руку. Вот этих сентиментальностей терпеть не могу. - Все, пока!

Я повернулась и, засунув руки к карманы, чуть ли не побежала к девятиэтажке. Людмила уже поди меня заждалась.

- Девушка, спасибо! - слышался сзади слабый голос.

Я, не оборачиваясь, махнула рукой, и поспешила дальше. Все, хватит! Деньги дала, от смерти спасла - а теперь извините, у меня свои дела!

Быстро вбежав в подъезд, я решила проехать на лифте. Обычно на шестой этаж я вбегаю за десять секунд, но сегодня я уже достаточно размялась.

Лифт медленно и плавно довез меня до шестого этажа, я вышла... Наконец-то! Сейчас мы поболтаем с Людой, спокойно покурим... Я прямо почувствовала, как сводит челюсти от желания вдохнуть сигаретный дым, и поскорее нажала на кнопку звонка.

Тишина. Что-то не понравилось мне в этой тишине, словно она что-то резко перевернула в моем сознании. Стала наваливаться какая-то тоска... Так бывает, когда долго-долго открываешь коробку конфет, рвешь обертку, желая поскорее добраться до любимого лакомства, и вдруг видишь, что там ничего нет...

Примерно такое ощущение я и испытала в этот момент. Нет, я еще ни в чем не убедилась, но разочарование уже вползло в мою душу...

- Кто там? - вдруг слышался тихий голос.

- Я, - немного удивленно ответила я. Обычно Людмила никогда не спрашивала, кто там. Она вообще была чем-то сродни Ольге, такая же беспечная и безалаберная, я их обеих часто поругивала. Да без толку.

Слышался звук поворачиваемого замка, и в проеме появилось лицо Людмилы. Но, честное слово, я даже не сразу поняла, что это Людмила! Боже мой, неужели можно так измениться за несколько дней?

Людмила была высокой, стройной шатенкой с голубыми глазами, всегда ухоженной и привлекательной. Никто не давал ей сорока лет. Она всегда выглядела чуть ли не моей ровесницей, а в сорок выглядеть на двадцать девять

– это, я вам скажу...

Господи, что же с ней случилось? Передо мной стояла настоящая старуха. В подъезде царил полумрак, но я все равно заметила целую сеть седых волос на голове Людмилы. Глаза ее потускнели и из голубых превратились в мутно-серые. Уголки губ опущены, вокруг них расходились стрелочки морщин. Никакого макияжа, черное креповое платье...

– Людочка, что с тобой? – невольным шепотом спросила я.

– Ах, Поля! – Людмила вдруг протянула ко мне руки и расплакалась.

Я едва успела ее подхватить. Она повисла на моих руках, сотрясаясь в рыданиях.

– Успокойся, успокойся, – обнимая, я провела ее в квартиру. – Садись, сейчас я тебе валерьяночки накапаю, – я усадила Людмилу на диван и хотела уже кинуться в кухню, как тут взгляд мой упал на противоположную от дивана стену, и я поняла, что валерьянка вряд ли поможет...

На стене висел портрет Людмилиной дочери, Кристины. Голубые глаза девочки были широко раскрыты, словно она чему-то сильно удивилась. И все бы ничего, да только был тот портрет в черной рамке.

Я, отказываясь верить своим глазам, в растерянности повернулась к Людмиле.

– Да, Поля, – закивала она головой. – Ты же даже не знаешь ничего! А я не успела тебе сообщить... Я даже забыла, что мы сегодня встретиться собирались. Я все эти дни словно как в тумане живу... Ничего не соображаю...

– Господи, Люда, да что же случилось с Кристиной-то? – опускаясь на диван, спросила я. Я думала, что, скорее всего, девочку сбила машина. Или еще какой несчастный случай произошел. Но боялась проговорить это вслух.

– Убили ее, – с трудом выговорила Люда.

«Как?» – вырвался у меня немой вопрос, который я не в силах была произнести.

– Ножом ударил идиот какой-то, – проговорила Людмила и снова зарыдала.

Я бегом бросилась в кухню. Я прекрасно помнила, в каком из шкафчиков Людмила хранит аптечку. Черт, только вот заело этот шкафчик! Из всех сил рванув на себя дверку, я достала большую коробку с лекарствами, быстро нашла валерьянку, накапала в стакан чуть больше, чем требовалась, и так же бегом вернулась в зал.

Людмила послушно выпила лекарство, вытерла губы и сказала:

– Ах, Поля, да разве мне это поможет? Меня наркотиками обкалывали все эти дни – и то не всегда помогало, а это-то так, ерунда...

– Ничего, ничего – ласково уговаривала я ее. – Все равно поможет...

Господи, мне кажется, ей уже теперь ничего не поможет. У меня нет и никогда не было детей, но я думаю, что самое страшное горе, которое может случиться в жизни – это потерять своего сына или дочь. В любом возрасте. Поэтому состояние Людмилы я очень даже хорошо понимала.

Мне, не скрою, хотелось узнать, как все-таки погибла Кристина, но спрашивать сейчас убитую горем мать о таких подробностях? Нет уж, увольте, не до такой степени я любопытна.

Но Людмила вдруг сама начала рассказывать. Видимо, выговориться ей очень хотелось.

– Понимаешь, – говорила она, затягиваясь сигаретой так, что та сразу уменьшилась на четверть, – Кристина ведь, как школу закончила, сразу такой скрытной стала... Раньше такая девочка была мягкая, открытая, а тут... Я понимаю, ей самостоятельности хотелось, доказать мне, что она уже взрослая. Говорила я ей – успеешь взрослой-то набиться, радуйся, пока молоденькая...

Кристине было девятнадцать лет, она после школы поступила в университет, но вскоре бросила его, поступив в училище учиться на бухгалтера. Одновременно с этим она работала в парикмахерской «Волна», закончив четырехмесячные курсы, и была своим положением очень довольна.

Я знала Кристину довольно неплохо, и мне нравилась эта девочка. Конечно, она была еще сопливой, и часто шокировала нас своими категоричными высказываниями, но в ней чувствовались воля и стремление к достижению поставленных целей.

Что очень смущало Людмилу, так это страсть Кристины к деньгам. Нет, она не требовала постоянно от матери новых шмоток и украшений, но готова была идти к богатству любыми путями, часто заявляла, что со временем заработает столько, сколько нам всем и не снилось, но я только посмеивалась над этим. Пусть пробует девочка, в конце концов, такие стремления нужно приветствовать. Ведь она хочет добиться всего сама...

Теперь она уже ничего не попробует...

– Представляешь, он ударил ее, когда она шла домой по парку... – дрожащим голосом продолжала Людмила. – Подкрался сзади и... Это такой кошмар, боже мой! Почему именно она? Ну зачем она в тот вечер вышла из дома? Если бы сидела, ничего бы не случилось!

– Так что, этому придурку было все равно, кого убивать? – пока ничего не понимая, спросила я.

– Ну конечно! А ты что, думаешь, он специально хотел убить мою девочку? – в голосе Людмилы зазвучали нотки ужаса.

– Людочка, я пока ничего не думаю. А что говорит тот придурок?

– Что? Он ничего не говорит, потому что его не поймали...

– Ах вот оно что! А милиция-то что говорит?

– Милиция? Вот милиция и говорит, что не стоило ей так поздно одной возвращаться... Думали даже, что маньяк объявился.

– Маньяк? – удивилась я. – А что, были еще подобные случаи?

- Этого мне не сказали.

- Кстати, Люда, а откуда она возвращалась?

- Ох, да я даже не знаю! - простонала Людмила. - Она мне даже не сказала! Ну как же - шибко взрослой себя считала!

- А что она говорила, когда уходила?

- Сказала, мама, не волнуйся, я скоро вернусь. Говорю, куда ты? А она - я по делу одному схожу. И в дверь - шмыг! Господи, почему она мне не доверилась?

- А кто-нибудь из ее подружек живет в том районе, где ее нашли?

- Насколько я знаю, нет. Но милиция сейчас этим занимается. К кому она могла пойти - ума не приложу!

- Люда, а похороны уже были?

- Да, вчера. Как я это перенесла - не знаю просто! Господи, мне до сих пор не верится... Девочка моя... - Люда вновь принялась плакать.

Я прекрасно понимала, что никакими утешениями здесь не поможешь. Но Людмиле было тяжело оставаться одной. Она буквально вцепилась в мою руку:

- Поленька, ты не уходи, пожалуйста, хорошо? Мне сейчас так тяжело, так тяжело...

Да уж... Врагу такого не пожелаешь.

- Конечно, я останусь, Люд, - вздохнув, ответила я.

- Я сейчас! - Людмила поднялась и прошла в кухню. Вскоре она вернулась с початой бутылкой водки и двумя рюмками.

- Давай помянем мою девочку, - тихо сказала она.

Я молча взяла рюмку. Да, вообще-то я не пью. И, честно говоря, по весьма прозаической причине: у меня аллергия на спиртное. Об этом знали только самые близкие люди, я просто говорила всем, что не пью, потому что не пью. Но сейчас отказываться было невозможно. А я даже «Кларитином» не запаслась!

Вздыхнув, я выпила обжигающую жидкость. Господи, как же люди это пьют-то! Быстренько закусила кусочком селедки.

Людмила выпила залпом и закусывать не стала.

«Как бы она не спилась тут с горя!» – мелькнула у меня мысль. Но вслух я ее, разумеется, не высказала.

Людмила сидела, подперев рукой щеку, и бессмысленным взглядом смотрела на портрет дочери.

– Люда... – я вытерла губы и решила поговорить серьезно. О деле. Может быть, хоть это отвлечет Людмилу от черных дум, – Люд... Давай я поговорю с бывшим мужем насчет этого дела? Все-таки он старший следователь УВД. Попрошу, он постарается... Ведь нужно же наказать этого мерзавца!

– А... Тебе не трудно будет это сделать, Поленька? – Людмила вопросительно посмотрела на меня.

– Ну что ты! – успокоила я ее. – Совсем нет. Хоть мы с Жорой и развелись давно, отношения-то сохранили дружеские.

«Иногда даже совсем не дружеские!» – вспомнила я, но говорить об этом не стала.

– ...И Жора не раз помогал мне в такого рода делах, – добавила я, почувствовав, что щеки мои покраснели.

Людмила была достаточно хорошо осведомлена о нашей с Ольгой совместной деятельности по расследованию различных преступлений. Одно время мы с ней даже собирались открыть частное сыскное агентство, но потом решили, что от этого один геморрой, и остались сами по себе. Хотя по разным причинам

частенько беремся за что-нибудь этакое.

- Так я поговорю? - уточнила я.

Людмила утвердительно кивнула головой. Потом уронила голову на руки и зарыдала. Я вздохнула и наполнила ее рюмку водкой. Руки Людмилу не слушались, и мне пришлось буквально влить водку ей в рот.

Людмила выпила, стуча зубами о стакан, потом, задохнувшись, закрыла лицо руками и отвернулась к окну. Потом, отдышавшись, повернулась ко мне и схватила за рукав.

- П... Поля... - язык у Людмилы уже заплетался. - Я... тебе... буду очень благодарна... если ты сможешь найти этого... этого...

- Я знаю, Люда, - мягко ответила я. - Не нужно больше ничего говорить.

- Нет, ты не поняла... - Людмила покачала головой. - Я не только на словах буду тебе благодарна. Я имела в виду, что обязательно заплачу. Я не знаю, какая у вас с Олей такса в день...

- У нас нет никакой таксы, - мягко перебила я ее, но Людмила снова принялась мотать головой.

- Нет! В общем... Зарабатываю я неплохо, ты знаешь. И мне теперь одной... Зачем они мне теперь, деньги? Девочку мою, конечно, уже не вернешь, но... Хотя бы найти того, кто это сделал! Тут уж я ничего не пожалею!

- Ты погоди, Люда, - пыталась остановить я ее. - Может быть, мне и делать-то ничего не придется! А Ольге тем более. Может быть, милиция и сама хорошо поработает, и все будет выяснено? Я просто попрошу Жору, чтобы он постарался ускорить этот процесс.

- Милиция! - фыркнула Людмила. - Чего они найдут? Больно нужно им!

- Ну это ты зря так, - теперь уж я покачала головой. - Они работают и, между прочим, нормально. Уж я-то знаю, поверь мне! Тем более это убийство - это же

не заказуха, которая практически нераскрываема. Думаю, здесь особых проблем не будет.

Я видела, что у Людмилы буквально закатываются глаза. Так, хватит на сегодня разговоров, пусть поспит, отдохнет. От такого горя и в самом деле можно с ума сойти!

– Людочка, мы все решили, и я, пожалуй, пойду. А ты отдыхай.

– Какой мне отдых... – пробормотала Людмила и посмотрела на бутылку водки.

Я набрала в легкие как можно больше воздуха, потом шумно его выпустила и четко, но мягко сказала:

– Люда! Тебе не нужно больше пить. Поверь мне! Я знаю, это звучит жестоко, но жизнь продолжается. Тебе надо выходить на работу, быть побольше среди людей. Время все лечит. А сейчас ложись спать.

Людмила потянулась к бутылке, но рука ее задрожала, и бутылка опрокинулась. Хорошо, что крышка была закрыта. Я успела подхватить бутылку на лету и со вздохом налила Людмиле полрюмки.

– На! – протянула я ей. – И – все! Ложись спать!

Людмила быстро выпила водку и стала клонить голову. Не долго думая, я подхватила женщину на руки – Господи, какая же она легонькая! – и отнесла на диван.

Она что-то пробормотала, переворачиваясь на другой бок и свертываясь калачиком. Я невольно улыбнулась. Потом взяла свою сумку и пошла к двери. Захлопнув ее за собой, я несколько раз подергала за ручку, убедившись, что хорошо закрыла дверь, и пошла на улицу.

Проходя через подземный переход, я не увидела своей знакомой нищенки. Слава богу, мозгов хватило не тусоваться здесь больше. Зато теперь место ее занимал мужичонка с деревянной ногой и прищуренными глазами. Он изо всех сил делал вид, что почти слепой, но это ему плохо удавалось. К тому же от него за версту

тянуло перегаром, поэтому денег ему я давать не стала. Хватит! Всем давать – сама по миру пойдешь! Я вот почему-то не стою с протянутой рукой, а работаю, как каторжная!

Выйдя к вокзалу, я вскочила в подошедший троллейбус и поехала напрямик к Жоре Овсянникову, своему бывшему мужу, домой. Обычно я бываю у Жоры крайне редко. Потому что заканчивается это всегда одинаково. Впрочем, что у меня дома, что у него – какая разница? Но сейчас я ехала по важному делу, и мне было не до всяких ля-ля-фа-фа.

Жаль, что сегодня выходной, а то я бы поехала прямо к Жоре в отделение.

Овсянников был бодр и весел. Я поняла это потому, что из-за закрытой двери его квартиры доносилось мурлыканье какой-то песенки, на которые Жора был мастер. Вообще, он очень неплохо пел и даже играл на гитаре. Собственно, мы и познакомились с ним в клубе любителей авторской песни, куда меня затащила сестрица Ольга. Жора был там фаворитом. С Ольгой он уже был знаком, а вот меня в тот день увидел впервые. И почему-то сразу влюбился.

Я много думала над этим: странно, почему именно в меня он влюбился, а не в Ольгу, мы ведь с ней близнецы? Почему на нее он не обращал внимания? Правда, Жора мне много раз пытался объяснить, что дело не во внешности, а в некой ауре, каких-то таких там флюидах, источаемых женщиной, но это Ольга его слушала и согласно кивала, а я как-то этой дребеденью не очень увлекаюсь.

В общем, поженились мы на свою голову. Вернее, на мою. Прожили, правда, недолго. Закончилось все настолько банально, что и говорить не хочется – жена в не совсем, мягко говоря, подходящий момент вернулась домой. А после этого решила, что лучше жить одной, чтобы, в какое время ни вернуться, оно всегда было подходящим.

Я была даже благодарна Жоре за то, что наши отношения закончились подобным образом. По крайней мере, после этого я смогла понять, насколько сильна духом. И теперь, мне кажется, я смогла бы перенести в жизни все, что угодно. Или почти все.

Я, усмехнувшись, нажала на кнопку звонка.

– Иду-у! – послышался бодрый и веселый голос Овсянникова. Интересно, с чего это он так веселится? Не иначе, как хорошо провел ночь. Ой, только бы у него сейчас никого не было. Очень не хотелось бы встречаться с Жориными потаскушками в момент, когда я приехала по важному делу.

Судя по выражению лица Овсянникова, когда он открыл дверь, он был один. Потому что, как только он меня увидел, то прямо просиял.

– Поленька! – Жорино лицо расплылось в довольной улыбке. – Вот это сюрприз! Какими судьбами?

– Может быть, все-таки впустишь меня? – поинтересовалась я.

– Конечно, конечно, о чем ты говоришь! – засуетился Овсянников, пропуская меня в квартиру. – Я просто настолько обрадовался, увидев тебя, что просто потерял голову!

Ах, Жора, трепач несчастный! Нисколечко ты не изменился!

Я разулась и прошла в комнату.

– Чай будешь? – подхалимским тоном спросил Жора.

– А кофе у тебя нет? – любопытствовала я, прекрасно зная, что нет. Но Жора меня приятно удивил.

– Представь себе, есть! – торжественно произнес он.

Он прошел в кухню, повозился там, периодически чертыхаясь, роняя турку и что-то просыпая на пол, после чего появился передо мной с улыбкой на лице и подносом в левой руке. Правой рукой Жора держался за ухо – видно, обжегся, снимая турку с огня.

– Спасибо, Жора, – поблагодарила я, изо всех сил стараясь не расхохотаться – у Жоры был настолько гордый собой вид.

Жора присел рядом с чашкой в руке. Я знала, что он терпеть не может кофе и пьет только для того, чтобы уподобиться мне.

Я с удовольствием пила горячий напиток. Конечно, сама я приготовила бы его куда лучше, но все же...

Жора, морщась сделал несколько глотков и отставил чашку на журнальный столик.

- Ты соскучилась по мне? - придвигаясь, спросил тихо Жора и дотронулся губами до моего уха.

- Жора, я приехала по делу! - сразу же остановила я его, отодвигаясь подальше.

- Так а я о чем? - всплеснул руками Жора. - И я ведь о деле!

- Знаю я твои дела! - вздохнула я. - Жора, я действительно по делу. Скажи, тебе что-нибудь известно об убийстве Кристины Лукашниковой? - я знала, что Кристина носит фамилию своей матери.

- Кристины Лукашниковой? Подожди, подожди... - Жора посерьезнел. - Это той девочки, которую убили в парке?

- Да.

- Ну конечно! А почему тебя это интересует?

- Понимаешь, Кристина - дочь моей знакомой. Даже, можно сказать, подруги. Эта женщина осталась совсем одна: несколько лет назад у нее умер муж от инфаркта, теперь дочку убили...

- Да, я понимаю! - вздохнул Жора.

- Так вот, не мог бы ты поторопить своих ребят? Ну, чтобы они поактивнее занимались этим делом?

- Поленька, мои ребята одинаково активно занимаются всеми делами.
- Жора, я прекрасно все понимаю, но все же... Ты же понимаешь, о чем я говорю!
- Конечно. Ладно, я выполню твою просьбу.
- Жора, а что ты сам по этому поводу думаешь?
- Да я еще не смотрел дело, если честно. Так, с ребятами поговорил. Скорее всего, наркоман какой-нибудь. Или еще какой пьяный идиот.
- А о маньяке не было разговора?
- Так это пока - тьфу-тьфу, конечно - единичный случай. Если бы целая серия подобных убийств произошла, тогда другое дело. Но, конечно, и эту версию будем отрабатывать. Больше пока ничего не могу сказать. Ты лучше мне сама расскажи все, что знаешь об этой девочке. Насколько я понимаю, ты ее знала довольно хорошо.
- Я бы сказала, неплохо, - я принялась вспоминать все, что мне было известно о Кристине. В конце своего монолога, перебиваемого иногда Жориными репликами, я спросила:
- Жора, а ты сам как думаешь - это случайность или хотели убить именно Кристину?
- Полина, я же говорю, что пока мало интересовался этим делом. Пока все говорит в пользу первой версии.
- А тебя не мучает вопрос: что делала Кристина в такое время в таком месте? Все-таки этот парк - один из самых криминогенных районов города. Что ее понесло туда так поздно?
- Понятия не имею! - развел руками Жора. Он уже узнал от меня все, что хотел, и теперь ему начинал надоедать этот разговор. Жора явно мечтал заняться чем-нибудь более приятным.

Я кое-как отодвинула его от себя, приподняла его подбородок и спросила, глядя прямо в глаза:

– Жора, а что, если ее убили где-то в другом месте, а труп перетащили в парк?

– Полина, я тебе все смогу сказать попозже, после выходных, хорошо? Вообще-то, насколько я знаю, никаких следов, указывающих на то, что девочка была убита в другом месте, не обнаружено. То есть, скорее всего, она сама зачем-то пошла в этот парк. Ну, может, не в парк, а к кому-то, но возвращалась через парк. Полина... – Жора сильнее сжал мои плечи.

Я подумала, что раз сегодня выходной, то спешить мне некуда, дела все я еще вчера вечером переделала, и, в конце концов, почему бы и нет?

Я закрыла глаза, расслабилась, отдаваясь во власть Жориных настырных рук, и на несколько часов забыла о том, что мне рассказала сегодня Людмила Лукашникова...

– ... Как все-таки ты много куришь! – качая головой, произнес голый по пояс Овсянников, когда мы сидели в кухне и пили кофе, теперь уже приготовленный мною. Даже Жора пил, не морщась.

– По-моему, ты не меньше! – усмехнулась я, кинув выразительный взгляд на пепельницу, полную окурков от «Тройки».

– Так это за несколько дней! – запротестовал Жора.

– Так за несколько дней можно было сто раз пепельницу вытряхнуть! – возмутилась я.

– А все потому, что мне недостает заботливой женской руки! – тут же сказал Жора и добавил:

– Посмотри, что у меня в холодильнике творится! – он вскочил, подбежал к холодильнику и открыл дверцу.

Там, умирая от скуки, лежало одно яйцо, засохший кусок сыра, и стоял стакан с молоком, уже превратившимся в простоквашу.

Я усмехнулась. Бедный Жора, он до сих пор не знает, что ему придумать, чтобы меня вернуть! Неужели он думает, что я сейчас разжалоблюсь настолько, что останусь у него навсегда? Нет, конечно. Но помочь – помогу. Все-таки не чужой человек.

– Так, давай, выметайся отсюда! – скомандовала я.

Жора прекрасно знал, что за этим последует, поэтому моментально ретировался из кухни.

– Поленька, я схожу мусор выброшу! – слышался из коридора его голос.

– Иди, иди, – пробормотала я, открывая кран с горячей водой.

Сначала я перемыла всю посуду, аккуратной горкой хранящуюся у Жоры в раковине, послал Овсянникова в магазин за продуктами, потом сварила ему борщ и сделала плов и салат. Пока борщ и плов кипели на плите, я протерла кухонные шкафчики и вымыла полы.

Жора юлил вокруг меня, не зная, что еще придумать, чтобы удержать меня. Наивные мужчины! Думают, что можно удержать женщину, предложив ей возиться полдня на кухне! Нет, дорогой, порядок я у тебя наведу, но на этом – извини, все. Ты сам сделал свой выбор несколько лет назад. Где она теперь, эта твоя девочка, с которой ты так мило развлекался в мое отсутствие? Ты уж и не помнишь, как ее зовут – столько их у тебя было! А чуть что – бежишь-то ко мне! Ах, да ладно, чего там прошлое ворошить!

Мы с аппетитом поели, потом я снова мыла посуду. За окном начало темнеть.

Жора заметил мои задумчивые взгляды в окно и с тревогой спросил:

– Поленька, ты, конечно же, не поедешь домой на ночь глядя?

– Ошибаешься, мой друг! – разочаровала я его. – Как раз поеду.

– А вдруг на тебя нападут хулиганы? Или маньяк какой-нибудь? – тут же спросил Жора. – Ты ведь, насколько я понимаю, без машины сегодня?

– Без машины, без машины, но у меня черный пояс по карате, если ты забыл. И вообще... – я хотела добавить, что Жора мог бы и проводить меня, но вовремя сообразила, что он тут же переменит тактику и начнет канючить что-нибудь, чтобы под любым предлогом остаться ночевать у меня, поэтому продолжать не стала.

– Тебя проводить? – снимая с вешалки куртку, спросил Жора.

– Не стоит, – отказалась я.

Овсянников, похоже, был даже рад, поскольку через несколько минут как раз начинался его любимый футбол по телевизору, поэтому он проявил максимум вежливости, проводив меня до подъездной двери.

– Не забудь узнать, что я тебя просила! – напомнила я ему.

– Конечно, конечно, – закивал Жора и затопал к себе.

Я пошла на остановку. Троллейбуса что-то долго не было, и я решила пройтись пешком. Вечерний весенний воздух был очень свеж и словно напоен какой-то неуловимой тонкой сладостью. Дышалось легко.

Я шла и с наслаждением вдыхала этот едва ощутимый аромат, которому эта едва уловимая ощутимость и придавала особую прелесть.

Я шагала и думала о том, как провести завтрашний день. Сегодняшний, если не считать, конечно, того, что я узнала о Людмилином горе, можно считать вполне удачным. Я чувствовала себя спокойно и рассуждала о своих отношениях с Жорой.

А может быть, и правда, Ольга права, и мне давно пора простить Жору и вернуться к нему? Все-таки он, несмотря ни на что, меня очень любит... А я? Ответа на этот вопрос мне не хотелось даже искать. Ладно, видно будет! Время покажет.

Я трянула головой, стараясь освободиться от своих лирических мыслей и задумалась над тем, что бы сделать себе еще сегодня такого приятного? Может, к Ольге проехать? Да нет, поздно уже. И потом, неизвестно, в каком она состоянии после сегодняшнего. Лучше я ей из дома позвоню.

Книжку почитать хорошую? Так все, что есть дома, я давно уже перечитала.

В задумчивости я подошла к своему дому, так и не решив, чем же побаловать себя сегодня. Взгляд мой упал на витрину продовольственного магазина, находящегося на первом этаже нашего дома. Я увидела каталку с мороженым. Вот! Я куплю себе мороженого! Сразу две порции! Давно я его не ела.

Быстро повеселев, я вошла в магазин, купила два пломбира по пять рублей, пачку сигарет и поспешила домой в предвкушении лакомства.

Мороженое я могу есть когда угодно и сколько угодно. Только не так, как Ольга: на улице, откусывая на ходу. Для меня есть мороженое – это целый процесс. Я его разворачиваю, выкладываю на тарелочку, жду, когда оно слегка подтаит и начинаю есть ложечкой – не спеша, растягивая удовольствие.

Поэтому на улице я не стала разворачивать мороженое.

Лифт уже не работал. И свет, конечно, не горел. Ничего, пешком пройду. Правда, что-то я сегодня многовато хожу пешком. Надо будет перед сном принять теплую расслабляющую ванну...

Мысли мои текли ровно и безмятежно, я уже проходила последний пролет, доставая из кармана ключ, не обращая внимания на то, что внизу слышатся чьи-то торопливые шаги, как вдруг...

Ледяное острие плотно прижалось к моему горлу! А руки были перехвачены и заведены за спину чьей-то железной лапой. От неожиданности я вздрогнула.

– Стоять! – услышала я дрожащий шепот. – И не шевелись!

– Что тебе надо? – стараясь говорить спокойно, поинтересовалась я.

– Молчи! – он почти простонал.

Я почувствовала, как стоящий сзади дрожит от возбуждения и горячо дышит мне в затылок. Господи, маньяк! Вот он! Предупреждал же меня Жора! И главное, я ничего не могу сделать – острие ножа почти пронзало нежную кожу горла. Можно, конечно, попытаться садануть его ногой, но где гарантия, что мгновением раньше острие ножа не войдет внутрь? И кто потом вернет мне мое драгоценное здоровье, а может быть, и жизнь?

И заорать тем более нельзя – тогда уж точно саданет. И убежит. И даже если его поймут, кому от этого потом будет легче?

Его просто трясло. Дыхание было хриплым и тяжелым. Нет, в этой ситуации пока нельзя применять силу, нужно действовать другими методами.

Он прижимался ко мне все теснее и теснее, пытаюсь, не выпуская моих рук, залезть мне под юбку.

– Ну что ты... – тихо проговорила я, чувствуя, как предательски дрожит голос. – Что же ты в подъезде-то прямо? Не надо... Пойдем ко мне, а? Пойдем, я живу одна... – в качестве доказательства я немного пошевелила рукой и потрясла ключами. Раздалось слабое позвякивание. – Видишь, – ласковым шепотом продолжала я убеждать его, – видишь, у меня ключи. Там никого нет, я совсем одна... Мы будем там вдвоем... Пойдем?

Боже мой, похоже, поверил! Я почувствовала, что он закивал головой. Я слегка пошевелила ногой. Он качнулся и подтолкнул меня вперед. Мы пошли к моей двери.

Сердце мое гулко колотилось. Нет, страха не было. Не было страха, понимаете? Моя голова просто стала работать, как счетчик. Я шла и заранее просчитывала то мгновение, которого мне должно хватить, чтобы спастись. Счетчик уже вычислил одно возможное решение, и главное – не упустить заветной секунды.

А еще в голове моей, наряду с вычислениями, роились совершенно уж глупые мысли, свойственные скорее Ольге, чем мне:

Я очень боялась, что выроню мороженое, наступлю на него, раздавлю, испорчу, а я ведь о нем так долго мечтала! Глупость, конечно, чистойшей воды, но именно эта мысль шла параллельно с мыслью о спасении.

Мы уже подошли к двери. Я знала, что он обязательно пропустит меня вперед: дверь-то мне отпирать! Замок у меня уж больно мудреный. А потом...

Дело в том, что у меня в квартире две двери: первая – металлическая – та самая, которая с мудреным замком, – а за ней идет еще одна, старая, деревянная. И вот тут самое главное...

Он отпустил мою правую руку, я просунула ключ в замочную скважину, отперла замок, потом второй... Открыла первую дверь. Замок во второй открывался намного проще. Я, тщательно выверяя каждое движение, толкнула вторую дверь. Господи, какое счастье, что она открывается вовнутрь! Тут я нарочно замедлила движения. Он повернулся, чтобы закрыть первую дверь... Вот! Именно этого мгновения и я ждала с замиранием сердца и чуть ли не остановкой дыхания.

Он повернулся, и рука, прижимавшая нож к моему горлу, слегка ослабла. Острие отошло в сторону. Маньяк уже тянул на себя первую дверь, а ногу занес в проем второй. И тут я, уже прошедшая к квартире, изо всех сил толкнула на него деревянную дверь, бабахнув ею прямо ему по ноге, одновременно выкрутив его руку с ножом! Раздался какой-то противный хруст...

Парень взвыл и дернулся, выронив нож, который я тут же отшвырнула носком ботинка вглубь комнаты. Он задергал ногой, пытаясь освободиться, но я сама с какой-то маниакальной жестокостью давила дверью, не выпуская его.

Присовокупив к этому резкий удар поддых – руки-то у меня теперь обе свободны! – я добилась того, чего хотела: парень охнул и опустился на пол.

Я пнула его ногой, этой же ногой заволокла его в квартиру и закрыла обе двери. Так, теперь срочно звонить в милицию!

Вообще-то я позвонила не в милицию, а прямо Жоре. Перепуганный насмерть Овсянников, наплевав на футбол, примчался через семь минут вместе с бригадой ребят. Я даже не ожидала от него такой прыти!

– Полина! – услышала я его крик за дверью и то, как он отчаянно замолотил по ней кулаками, – Поленька, ты в порядке?

– В порядке, в порядке, – я торопливо отперла дверь, отпихивая ногой обмякшее тело.

Жора влетел в комнату, обнял меня и подхватил на руки.

– Все нормально? – он с беспокойством ощупывал мое тело.

– Да нормально, нормально, – слабо улыбаясь ответила я и спрыгнула на пол, почувствовав, что Жора уже как-то излишне активно меня ощупывает.

– Боже мой, боже мой! – не мог успокоиться Жора. – Ведь я как чувствовал! Говорил же тебе – не ходи домой, оставайся!

– Мог бы и проводить, раз такой чувствительный! – огрызнулась я.

В это время ребята уже подняли на ноги маньяка и надели на него наручники. Он стоял, пошатываясь, не в силах сообразить, что с ним происходит.

Тут только я смогла его рассмотреть. Довольно молодой – лет тридцати пяти – коренастый, крепко сбитый парень с пухлыми, какими-то капризными губами. В лице его не было ничего от маньяка: ни пены у рта, ни безумного блеска глаз, ни каких-либо страшных клыков. Обычный парень. Лицо можно было бы даже назвать приятным, если бы его не покрывали отвратительные прыщи. Представив, что он мог со мной сделать, я передернулась.

– Ребята, вы сами управитесь? – спросил Жора. – Я побуду с Полиной.

– Конечно, Георгий Михайлович, – ответил один из парней.

– Жора, там его нож валяется! – я кивнула в сторону зала. – Я к нему не прикасалась.

– Умница моя! – осторожно подбирая нож, похвалил меня Жора.

Когда маньяка увели, Овсянников довел меня до дивана в зале, хотя я в этом не нуждалась, усадил на него и, не переставая гладить, спросил:

– Поленька, ты в состоянии говорить? Может быть, сделать тебе кофе? А хочешь расслабляющий массаж?

Понятно, Жора проявлял запоздалую заботу. Ему было явно стыдно, что он предпочел футбол тому, чтобы проводить меня. Ничего, теперь я ему долго это буду припоминать!

– Жора, мне ничего не нужно. я в порядке, – холодно ответила я. – И вообще, я привыкла к тому, чтобы заботиться о себе самой.

Жора потупился, потом сказал:

– Я же много раз предлагал тебе свою поддержку...

– Ладно! – перебила я его, прекрасно зная, чем приходится расплачиваться за эту поддержку. – Ты меня слушать будешь?

– Конечно, конечно, – с готовностью подтвердил Жора, гладя мою руку. – Я слушаю тебя! Только...

– Что?

– Я сегодня остаюсь у тебя! – решительно заявил Овсянников. – Я тебя одну не оставлю!

Господи, не маньяк, так бывший муж! Неизвестно, что лучше!

– Посмотрим, – уклончиво ответила я и начала свой рассказ. – Так вот... Все началось с того, что мне очень захотелось мороженого. И я его купила. Я уже поднималась по лестнице, а тут налетел он... – тут я прервалась на секунду... и рванула в коридор!

Так и есть! Мороженое я, конечно, уронила в коридоре, когда выворачивалась и шарахала маньяка дверью! Два брикетика завалились за тумбочку. А так как я сразу же о них забыла, то оба безнадежно растаяли.

- Эх, твою мать! - расстроено произнесла я, держа в руках два обмякших брикетика в яркой упаковке.

- Полина, и из-за этого ты так расстроилась? - удивленно спросил выросший за моей спиной Жора.

- Если честно, то из-за этого больше всего! - призналась я.

Тут я услышала какие-то залиvistые звуки. Потом поняла, что это Жора хохочет.

- Что тут смешного? - недовольно переспросила я.

- Польша! - давась собственным смехом, проговорил Жора. - Какая же ты у меня все-таки ненормальная!

Я невольно расхохоталась вслед за ним. Жора поднял меня на руки и закружил по комнате. Мороженое снова полетело на пол.

Через полчаса примерно Жора, движимый чувством вины и желая доставить мне удовольствие, сам сгонял в магазин и приволок новые две порции мороженого. А из растаявшего мы сделали коктейль.

Сидя в кухне и поглощая долгожданное лакомство, я рассказывала, как все получилось.

- И как ты не побоялась тащить его к себе? - поражался Жора.

- Наоборот, в этом был мой шанс! - возразила я. - С ножом у горла мне было бы трудно что-либо придумать.

- Вообще-то это довольно тонкий психологический ход, - признал Жора, - влезть преступнику в доверие, заморочить ему голову... Ольга может тебе позавидовать как психологу. Удивляюсь только, как тебе это удалось? Заставить

его поверить в твою искренность, я имею в виду?

- Не знаю, - призналась я. - Думаю, что он просто был в таком состоянии, когда голова плохо соображает. Да она у него вообще, наверное, съезжает...

- Да, экспертизу делать придется на вменяемость, - согласился Жора.

- Послушай, Жора... - вдруг пришла мне в голову одна мысль. - Я вдруг вспомнила про Кристину Лукашникову. Помнишь, у меня была идея, что на девушку напал маньяк, а ты говорил, что вряд ли, потому что это единичный случай? Так может, это и есть тот самый маньяк? На нее напал, потом на меня...

- Но, насколько я знаю, Кристина не была изнасилована! - возразил Жора.

- Ну и что? Откуда ты знаешь, как там все получилось? Может быть, он просто не успел? Кто-то ему помешал, он саданул девочку и убежал? А этот «кто-то», увидев труп девчонки, не стал сообщать в милицию от греха подальше, испугался. Кстати, кто ее обнаружил? Я даже не спросила у Людмилы...

- Обнаружил дворник рано утром. Возможно, конечно, что ее и раньше видели - народу-то по парку лазит по ночам много - но это теперь не установишь.

- Жора, нужно трясти этого маньяка! - я подняла ложечку, которой ела мороженое вверх и потрясла ею. С нее тут же слетела бледно-коричневая капля и шлепнулась Жоре на нос. Жора дернулся, но ничего не сказал, а стер каплю кухонным полотенцем.

- Осторожнее! - поморщилась я. - Полотенце белоснежное, а ты им всякую грязь вытираешь!

- Мой вид, конечно, не столь важен, сколько твое белоснежное полотенце! - вскипел Жора, но я тут же положила руки ему на плечи, и он сразу затих. Жора вообще быстро остывает.

- Короче, нужно его трясти! - повторила я, на этот раз не поднимая ложки от блюдца.

– Согласен, завтра все проверим, – ответил Жора. – А ты Ольге не хочешь позвонить?

– Вообще-то хочу, – призналась я со вздохом. – Она же даже не знает о несчастье с Кристиной! Но не сегодня. Я что-то устала очень. Я позвоню Ольге завтра. Пусть отоспится.

– Поленька... – Жора коснулся моей руки и внимательно заглянул мне в глаза. – Я останусь у тебя? – тихо уточнил он.

– Конечно, Жора, – вздохнула я, – конечно!

ГЛАВА ВТОРАЯ (ОЛЬГА)

Когда я проснулась, то долго не могла понять, что сейчас на дворе: день, вечер или ночь? В комнате царил какой-то полумрак, за окном тоже творилось что-то непонятное. Веки мои были тяжелыми, и невероятно хотелось поспать еще. Я и прилегла в надежде, что когда проснусь во второй раз, то мне легче будет разобраться во времени суток.

Но и когда я в следующий раз открыла глаза, ничего не прояснилось. Я сидела на постели и вспоминала произошедшие накануне события. Единственное, что я помнила, так это то, что настроение мое до сна было отличным. И что-то должно было случиться приятного. Но приятного-то как раз и не случилось, это уж я точно помню. А случилось, наоборот, что-то очень неприятное. Но вот что, я, хоть убей, не могла вспомнить. Сидела и тупо смотрела в стену.

Господи, отчего же так мерзко-то на душе? Может быть, позвонить Полине? Моя рука уже потянулась к телефонной трубке, как вдруг меня осенило! Ну конечно! Ведь мы сегодня собирались ехать к Людмиле! И я с утра находилась в приподнятом настроении в предвкушении этой поездки! И даже выпила немного от радости... Но так как я накануне вечером подлечивалась коньячком (погода была ужасной, лил дождь, я вся промокла, отвозя детей к бабушке, и очень боялась расхвораться), то вермут, которого я с радости хлебнула с утра, как-то неудачно пошел на старые дрожжи. Не то чтобы очень, но как-то вот меня

мотало. И пошатывало.

Да это все бы ничего, но Полина почему-то, как всегда, решила по-своему. Она даже оскорбила меня, потом насильно напичкала снотворным и уложила спать! Какое вероломство! Ведь ничего же страшного не случилось! Я вполне нормально добралась бы до Людмилы!

Слезы обиды покатались из моих глаз прозрачными каплями на подушку... Правда, капли были не совсем прозрачными: перед поездкой к Людмиле я успела накраситься, и в таком виде Полина уложила меня спать, а теперь вся тушь текла на подушку вместе со слезами. Я видела, во что постепенно превращается моя наволочка, но ничего не могла с собой поделаться.

Когда наволочка была окончательно испорчена, я поняла, что дальше так продолжаться не может, и необходимо немедленно подлечить нервы.

Вермута в бутылке оставалось более чем достаточно, и я – на этот раз с горя – отхлебнула немного. И еще немного. После этого снова захотелось лечь.

Я легла прямо на замызганную наволочку (не стану же я ее менять в таком состоянии, это всегда успеется) и задумалась, надув губы.

Какая гадкая Поля! Как она могла так со мной поступить? Ведь знает, как я люблю Людмилу. И как мне нравится ходить к ней в гости! И вообще, Люда приглашала нас обеих – почему Полина берет на себя право решать все за меня?

Я лежала и грызла ногти, мечтая позвонить Полине и сказать ей что-нибудь такое... такое, от чего ей сразу стало бы стыдно. Только вот не могла придумать, что. Может быть, попросить денег? Да нет, из-за этого Полине стыдно не станет, наоборот, она приложит все усилия, чтобы стыдно стало мне: начнет выговаривать, что я трачу деньги неизвестно куда... Нет, она мне, конечно, подкинет сотню-другую, но у меня сейчас совсем другая цель.

Я решила, что нужные слова придут в процессе и набрала Полинин номер, готовая держаться холодно и отстраненно. Но у Полины почему-то никто не взял трубку. Ага, она, конечно же, еще у Людмилы! Весело же им там!

Я не выдержала и набрала номер Люды. Но и там никто не отвечал. Странно, очень странно. Может быть, Поля как раз собралась домой, а Люда пошла ее провожать?

Я подождала еще немного и снова набрала номер Людмилы. Тот же результат. Это уже меня насторожило. Чем хорош вокзал, так это тем, что с него уедешь в любую сторону практически в любое время. А уж в район, где живет Полина, ходят сразу три номера троллейбуса. Поля давным-давно бы уже уехала, а Люда вернулась домой.

Так, сколько, в конце концов, времени?

Я посмотрела на часы. На одних было два часа десять минут, но эти часы стоят уже третий месяц – я все никак не выберу времени, чтобы купить новую батарейку.

Пришлось идти в кухню. Там одни часы показывали без четверти одиннадцать, а будильник уверял, что уже пять минут двенадцатого. Я выбрала среднее арифметическое, решив, что сейчас где-то без пяти одиннадцать. Нет, Полина, конечно, запросто может возвращаться домой в такое время, но неужели она торчала у Людмилы целый день? На нее это не похоже.

И вообще, за окном что-то уж слишком светло для одиннадцати вечера.

Я набрала нужный номер, услышала механический голос, сообщивший мне, что время десять часов пятьдесят шесть минут, и поняла, что сейчас вовсе не вечер, а утро. Утро?! Это что же, выходит, я спала весь день и всю ночь? Значит, в гости к Людмиле мы собирались с Полей еще вчера? Вот это здорово она меня напичкала снотворным! Ну, Полина!

Рассердившись не на шутку, я набрала Полинин рабочий номер. Мне сразу же ответили, что Полина Андреевна Снегирева на месте и ее сейчас позовут. Я в нетерпении крутила телефонный шнур, ожидая, когда смогу высказать Полине все, что я о ней думаю.

– Алло! – услышался ровный голос сестры.

– Полина! – голос мой задрожал. – Полина, как ты могла?

– Ольга, привет, – каким-то усталым голосом продемонстрировала Полина свою вежливость. – Ну, как ты себя чувствуешь?

– Нормально! – я очень хотела, чтобы сестра почувствовала, как я обижена. – Вернее, совсем не нормально! А очень хреново! И по твоей, между прочим, милости!

– Оля, прекрати, пожалуйста, и успокойся. И еще: если ты действительно чувствуешь себя нормально, то приезжай ко мне на работу. Мне нужно сообщить тебе что-то важное. Если же тебе хреново, то ложись в постель, а я вечером приеду. Все, пока, – и Полина повесила трубку.

Ну и ну! Она что, думает, я за ней буду бегать? А вот фигурки!

Я в возмущении тянула из бутылки и села на диван, подперев щеку рукой. Никуда я не поеду, еще чего не хватало! Но Полина меня явно заинтриговала. Что такого могло случиться, если она просит меня приехать к ней на работу?

Короче, через десять минут я уже стояла на остановке и пыталась влезть в подошедший троллейбус.

Полина спустилась в вестибюль сразу после того, как ей сообщили, что ее внизу дожидается сестра. Вид у сестры был бледный и усталый.

– Привет, Оля, – снова поздоровалась она. – Спасибо, что приехала.

– Полина... – я хотела было сказать, что все-таки она очень подло со мной обошлась, но что-то было такое в лице сестры, что меня удержало. – Что случилось, Поля?

– Слушай... Только сразу возьми себя в руки. В общем... Кристина умерла.

– Как? – только и смогла вымолвить я, и Полина принялась рассказывать.

Через пятнадцать минут я уже знала обо всем и просто не могла в это поверить. Боже мой, бывают же такие ужасные вещи на свете! И Полина... Она же могла просто погибнуть! Какой кошмар – по городу бродит маньяк! Я так и сказала Полине.

– Уже не бродит, – напомнила она мне.

– Поля, так значит, ты думаешь, что Кристину убил именно он?

– Я не знаю, – призналась Полина. – Но подозрения у меня очень большие на этот счет. Жора должен разобраться и позвонить. А там будет ясно.

– Полина, мы должны обязательно навестить Людмилу! – засобиралась я. – Ты скоро заканчиваешь?

– Вообще-то нет, – посмотрела на часы сестра. – Мне еще два с половиной часа здесь кувыряться. И вообще, мне пока там делать нечего. Я же обещала Людмиле все выяснить, а сама пока ничего не выяснила. Да! – она хлопнула себя по лбу. – Совсем забыла тебе сказать: ты не пей, пожалуйста, потому что может быть работа.

– А кто это пьет? – возмутилась я и в доказательство дыхнула на сестру. Предварительно я иссосала пять таблеток «Рондо-суперсвежесть». Но Полина сразу же отшатнулась от меня. Вот черт, наверное, несвежую подсунули «суперсвежесть»! Везде один обман!

– А какая работа? – сразу же спросила я, чтобы не заострять на этом внимание.

– Людмила просила помочь найти убийцу. Так что если Жора установит, что этот маньяк тут ни при чем, возможно, придется засучить рукава. Выражаясь фигурально, конечно.

– Что ж, я согласна! – вставая, проговорила я.

– Смотри, не пей! – снова напомнила Полина.

Я только рукой махнула на нее и, не оборачиваясь, пошла к выходу.

Вот всегда Полина такая, не может без своих подковырок! Ведь знает же, что вовсе я и не пью!

Проходящая в двери женщина хотела меня обойти и отклонилась вправо. И я вправо. Она влево – и я туда же. В конце концов, заметавшись, я не устояла на ногах, и чуть не упала на пол. Женщина участливо поддержала меня.

– Спасибо большое, – смутившись и покраснев, пробормотала я и пошла на улицу, дав себе слово, что с утра больше никогда подлечиваться не буду.

Приехав к Людмиле, я долго нажимала на кнопку звонка, но мне никто не открыл. Я звонила еще несколько раз, думая, что может быть, она спит. Потом решила уйти. Ладно, я еще успею выразить Людмиле свои соболезнования.

Выйдя на улицу, я полной грудью вдохнула свежий воздух. Он словно влил в меня новые силы и звал на подвиги и свершения. Домой не хотелось совершенно, а хотелось действовать. И я решила проехать к Жоре Овсянникову, чтобы узнать, не выяснил ли он чего нового. А что? Полина бы меня одобрила. А то она вечно меня ругает, что я ленива. А разве я ленива? Вот сейчас я докажу Полине, что тоже не могу сидеть без дела! И чего, в самом деле, время тянуть?

Я очень обрадовалась тому решению, которое возникло в моей голове, и напрямик отправилась к Жоре.

Овсянников сидел в своем кабинете, и вид у него был необычайно серьезный.

– Жора, привет! – поздоровалась я, проходя в кабинет и усаживаясь на стул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nikol-skaya_natal-ya/dvoynoy-portret

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)